

Чэнь Лююнь вышел, и в доме воцарилась тишина, такая, что слышно было, как падает игла.

Казалось, само время застыло на месте.

Три женщины переглядывались, хлопая глазами, — шесть пар глаз, полных недоумения.

Первой тишину нарушила Ли Ии. Она медленно подошла к столу, взяла серебро и, обнажив острые маленькие клыки, с силой укусила большой слиток.

— Сестра Цюхань, серебро настоящее.

Естественно, настоящее, ведь его только что дали.

— Нечего тут выставять напоказ, убери немедленно, — Линь Цюхань быстро подошла к двери, выглянула наружу и с громким стуком захлопнула створку.

Богатство не стоит выставять на всеобщее обозрение. Сто таэлей серебра для маленькой горной деревушки — сумма немалая, и лучше не привлекать лишнего внимания. С древних времен из-за денег люди расставались с жизнью. Осторожность прежде всего.

— Сестра Цюхань, наш муж словно стал другим человеком, будто его подменили. Говорит мягко, не суетится, даже заботиться о нас стал, — Ли Ии сжала руки, и сердце её забилось чаще.

— Мне кажется, всё не так просто. Как человек может измениться в одночасье? — Линь Цюхань была полна сомнений.

— Сестра Цюхань, это же настоящее серебро, оно прямо перед нами, разве можно это подделать? — Ли Ии не была жадной и передала деньги Линь Цюхань.

Та была первой женой, и по правилам деньги должны храниться у неё. Таков порядок!

— То, что он отдал нам серебро, ещё ничего не значит. Он глава семьи, захочет — заберет в любой момент. Кто из нас троих сможет его остановить?

— Сестра Цюхань, ну зачем ты так? А вдруг муж и правда одумался? Сегодня он ведь уже испустил дух, а потом непонятно как ожил. Может, он побывал в Зале Янь-вана, прошел через смерть и решил начать жизнь с чистого листа? — Ли Ии рисовала в воображении светлое будущее.

— Глупая девчонка, ты что, очарована Чэнь Лююнем? Стоило ему немного измениться, как ты уже поешь ему дифирамбы.

— Ничего я не пою, я просто рассуждаю здраво, — Ли Ии надула свои алые губки.

Линь Цюхань бросила на неё косой взгляд, затем повернулась ко второй жене, Ли Ваньвань:

— Сходи позже, купи свинины, возьми побольше сала, чтобы вытопить жир — с ним еда вкуснее будет. Нам пора улучшить рацион, мы уже целую вечность не видели мяса.

— Угу, — радостно закивали обе девушки, сглатывая слюну.

Тем временем Чэнь Лююнь весь день тяжело трудился в горах, собирая травы, и даже не

вернулся домой к обеду. Лишь к вечеру он спустился с гор с огромной бамбуковой корзиной за спиной.

Она была доверху набита лекарственными растениями — около нескольких десятков видов. Самые ходовые он оставил для лечения односельчан, а редкие и излишки решил продать. В это беспокойное время цены на травы были стабильными: больших богатств не нажить, но на пропитание хватит.

Не спрашивайте, почему другие жители не занимаются тем же? Это же лекарства — без обучения и наставника их не распознать. А даже если кто и знает пару видов, они обычно ничего не стоят. Древние знания передавались крайне неохотно: не прослужишь учителю верой и правдой несколько лет, не получишь настоящего мастерства.

— Ой-ой, неужели солнце сегодня встало на западе? — пятидесятилетняя старуха бросила на Чэнь Лююнь косой взгляд и язвительно добавила: — Это не тот ли непутевый сыночек лекаря Чэня? С чего это ты вдруг работать решил? И зачем набрал целую корзину свиной травы?

Рядом с ней сидела кучка таких же старух, которые только и делали, что сплетничали обо всей деревне. То у кого-то невестка сбежала, то в какой-то семье муж с женой подрались, то молодая жена у соседа на сторону ходит. Они плели такие небылицы, что казалось, будто всё это правда. Из-за их злословия во многих семьях случались раздоры.

— Тетушка Ван, это не свиная трава, а лекарственные растения, — не останавливаясь, ответил Чэнь Лююнь.

— Лекарственные травы? Ты и в них разбираешься? Тьфу! — старуха сплюнула сквозь зубы. — Молодым надо быть практичнее, нечего из себя строить того, кем не являешься. Если не возьмешься за ум, твоя жена скоро сбежит к другому. Я слышала, твоя старшая — не промах, того и гляди, уже наставила тебе рога.

Опять сплетни. Болтают, что в голову взбредет.

Чэнь Лююнь изначально не хотел вступать в перепалку, даже когда его называли непутевым, думал просто поздороваться и пройти мимо. Но когда начали поливать грязью его жену, терпение лопнуло.

Этому нельзя потакать. Будешь молчать — в следующий раз плюнут в лицо. Люди устроены так: чем больше уступаешь, тем наглее они становятся. Добрых людей обижают, послушных лошадей заезжают — если не дать отпор, примут за слабака.

— Тетушка Ван, ты так сплетничаешь, не боишься, что в грозу молния ударит прямо в могилы твоих предков? — Чэнь Лююнь ответил насмешливым, развязным тоном. — Пусть я непутевый, но у меня три жены, не то что у некоторых, чьи сыновья уже за сорок перевалили, а всё никак не женятся. Сколько денег на свях потратили, а толку ноль. Вместо того чтобы перемывать кости другим, лучше бы подумала, как это исправить.

— Ах ты паршивец, ты на кого это намекаешь?! — Тетушка Ван вскочила, пылая яростью.

— Кто знает, тот поймет, — Чэнь Лююнь не отступил ни на шаг.

— Чэнь Лююнь, у тебя три жены только благодаря покойным родителям! Если бы не они, ты бы с голоду подох, и хоронить было бы некому! — перешла на личности старуха.

— Да, повезло мне с родителями! А ты почему своему сыну трех жен не нашла? Потому что сама бестолковая, а язык поганный, греха на тебе не счесть!

— Чэнь Лююнь, ты мужчина, а обижаешь старую женщину, нет в тебе ничего человеческого!

— Мужчина не должен быть таким, как ты, — шлаться целыми днями, всё село знает, какой ты человек! — Тетушка Ван выпятила грудь и принялась вопить.

Чэнь Лююнь не спеша опустил корзину на землю и сплюнул на ладони. Он начал указывать пальцем в сторону старухи, притопывая ногой:

— Убирайся! Убирайся! Убирайся! Пусть я не человек, зато у меня есть жены, а твой сын — правильный и честный, но сорок лет в одиночестве кукует! Старая карга, была бы хоть капля способностей, нашла бы сыну жену! Никчемная, а еще и сомнением страдает. Не знаешь, что за спиной все обсуждают, что ваш род прервется, и некому будет даже свечку зажечь? Предки от стыда в реинкарнацию не могут уйти! Убирайся! Убирайся! Убирайся! — продолжал он, повторяя движения.

Тетушка Ван тяжело дышала. Она, привыкшая побеждать в любых перепалках, вдруг лишилась дара речи, лицо её стало мертвенно-бледным. Сгорбленная фигура затряслась, глаза закатились, и она рухнула на землю без чувств.

Черт, неужели переборщил?

Упала? Неужели она такая слабая? Я думал, продержится три раунда, уже приготовился к битве, а она оказалась слабее некуда.

— Ой, убили! Люди, смотрите, Чэнь Лююнь до смерти старуху Ван довел! Есть здесь кто-нибудь, кто его остановит?!

<http://bllate.org/book/18514/1779786>